

Къ пониманію современной культуры

(Проблема универсальнаго языка).

Каждая сфера человѣческой дѣятельности имѣетъ собственное строеніе и собственную проблематику; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждый данный историческій моментъ она воспроизводитъ общее строеніе его культуры и причастна къ его проблематикѣ. Поэтому изученіе одной какой-нибудь сферы дѣятельности въ данный моментъ историческаго развитія содѣйствуетъ разумѣнію этого момента въ цѣломъ, его структуры и его проблематики. Изъ чисто методологическихъ соображеній я беру, въ качествѣ такой примѣрной сферы, сферу языка.

Трудно подыскать другую сферу, на которой въ бѣльшей, или хотя-бы въ такой же степени, оправдывалась бы формула Поля Валери: нашъ міръ есть «конченный міръ» — *un monde fini* (см. его *Regards sur le monde actuel*). Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ исторически сложившіяся національности и ихъ языки, образованные люди трудятся надъ двойной задачей: возвести каждый національный языкъ на степень классическаго, образцоваго, языка и сдѣлать его общимъ языкомъ. Долгое время національные языки были въ пренебреженіи у людей, пользовавшихся ими; считались «простонародными», «подлыми» языками, которые надлежало облагородить, перестраивая ихъ по типу «умершихъ», классическихъ языковъ; лишь постепенно, сперва итальянскій, затѣмъ французскій, за ними другіе языки (позже всѣхъ русскій) эмансипировались отъ чуждаго вліянія, стали опираться на собственную традицію, сообразовываться съ собственными законами. Классическимъ языкомъ для французовъ является французскій литературный языкъ, для русскихъ русскій лите-

ратурный языкъ и т. д. Это значитъ, что національные литературные языки стали такими же, въ извѣстномъ смыслѣ, «мертвыми», т. е. законченными, завершенными языками, какъ древ.-греч., латинскій, церк.-славянскій *). Прилагая къ нынѣшнимъ языкамъ это опредѣленіе, надо оговориться, что рѣчь идетъ не о словарѣ, а единственно о строеніи языка, о грамматикѣ. Словарь обновляется постоянно, въ силу необходимости — до изобрѣтенія аэроплановъ и грамофоновъ не было словъ аэропланъ и грамофонъ. Но русская грамматика — въ широкомъ смыслѣ этого термина, включая въ него и порядокъ словъ (въ иныхъ языкахъ къ порядку словъ собственно сводится почти нацѣло грамматика), — не мѣняется со времени Пушкина. Французская грамматика, сложившаяся гораздо раньше русской, испытала въ послѣднее время нѣкоторыя измѣненія, была вынуждена пойти на уступки общей тенденціи къ упрощенію языковой структуры. Однако, уступки эти столь ничтожны (отказъ отъ *imparfait de subjonctif*, тяжелаго, уродливаго, отмираніе такъ назыв. *passé simple*), что ихъ можно не принимать въ расчетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ литературные языки все болѣе и болѣе становятся общими языками. Во время французской революціи еще приходилось переводить декреты революціонныхъ Палатъ на мѣстные «*patois*»; въ настоящее время діалекты отмираютъ, вытѣсняются обще-національными языками. Лингвисты, правда, различаютъ понятія о *бш аго и литературнаго* языка — мы говоримъ не такъ, какъ пишемъ, все-же, разстояніе между нынѣшнимъ общимъ русскимъ языкомъ и литературнымъ сейчасъ неизмѣримо меньшее нежели при Екатеринѣ II и даже при Александрѣ I — насколько можно судить по матеріаламъ, отражающимъ интимный, бытовой, близкій къ разговорному, языкъ образованныхъ людей конца XVIII и начала XIX в.

Но образованіе «классическихъ» національныхъ языковъ не было окончательнымъ разрѣшеніемъ проблемы «классическаго языка». Въ этой проблемѣ есть еще одна сторона. Съ тѣхъ поръ какъ люди вообще пользуются членораздѣльной рѣчью, ихъ сознаніе, въ той или иной формѣ, занято вопросомъ объ «идеальномъ» языкѣ. Богъ

*) Строго говоря, старо-болгарскій. Но для русскихъ онъ былъ прежде всего языкомъ церкви, церковно-славянскимъ, въ отличіе отъ родного, который считался просто славянскимъ.

научилъ Адама «истиннымъ» именамъ животныхъ и растеній. Египетскій Царь посадилъ новорожденнаго младенца въ одиночное заключеніе, чтобы узнать, на какомъ языкѣ онъ будетъ говорить. Этотъ опытъ повторилъ Фридрихъ II Гогенштауфенъ. Утопійцы Томаса Мора владѣли языкомъ, который наилучшимъ образомъ замѣнялъ всѣ остальные. Но только въ наше время были изобрѣтены «искусственные», универсальные языки — волапюкъ, эсперанто, ido. Отто Йесперсенъ, гениальный лингвистъ, считаетъ послѣдній изъ нынѣ существующихъ искусственныхъ языковъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Самъ Йесперсенъ работаетъ надъ усовершенствованемъ такого универсальнаго языка. Принципы и критеріи для разрѣшенія этой проблемы должны быть, согласно Йесперсену, извлечены изъ изслѣдованія развитія исторически сложившихся языковъ. Йесперсенъ стоитъ на точкѣ зрѣнія прогресса въ жизни языковъ. Прогрессивными явленіями въ развитіи всякаго языка надо считать всѣ тѣ, благодаря которымъ языкъ достигаетъ наибольшей простоты, логичности своего строенія, удобопонятности, наиболѣе удовлетворяетъ принципу экономіи умственной энергіи. По латыни можно сказать *Petrus amat Paulum* и *Paulum amat Petrus*, по французски только *Pierre aime Paul*, потому что *Paul aime Pierre* будетъ значить *Paulus amat Petrum* или *Petrum amat Paulus*. Иными словами: двумъ совершенно однозначущимъ — съ формально-логической точки зрѣнія — латинскимъ фразамъ соответствуетъ только одна французская. Утрата падежныхъ окончаній во французскомъ языкѣ была, такимъ образомъ, прогрессивнымъ явленіемъ: языкъ выигралъ въ простотѣ структуры по сравненію съ тѣмъ языкомъ, который былъ для него, однако, «классическимъ». Безразлично при этомъ, какъ, подъ влияніемъ какихъ факторовъ, протекать этотъ прогрессъ языка. Падежныя окончанія исчезли въ романскихъ языкахъ, въ болгарскомъ, въ англійскомъ (въ послѣднемъ также и глагольныя) вслѣдствіе того, что соответствующіе народы въ старину не могли справиться со сложной грамматической системой своихъ «классическихъ» языковъ — латинскаго и славянскаго. Прогрессъ языка можетъ, стало быть, оказаться результатомъ укорененія «ошибокъ» — отъ этого дѣло не мѣняется. Но прогрессирующее развитіе историческихъ языковъ имѣетъ свои границы. Возведеніе ихъ на степень литературныхъ языковъ задерживаетъ, если не

останавливаетъ совѣтъ, ихъ развитіе. Нынѣшніе «мертвые», т. е. наши собственные, языки полны нелѣпостей неискоренимыхъ, неистребимыхъ. Почему ручей «мужского» рода, озеро и море «средняго», а рѣка «женскаго»? Никакихъ ассоціацій, которыя бы оправдывали распределение этихъ словъ по «родамъ» — если это подлинно «роды», мы съ ними не связываемъ. Историческое объясненіе, возводящее эти, для насъ нелѣпныя, явленія къ первобытному анимизму, стоитъ немногаго: «роды» слово нерѣдко мѣняются — какъ и почему, это иной разъ можно прослѣдить. Издревле (см. Слово о полку Игоревѣ) и до конца XVIII в. говорили ужина, а не ужинъ. Свой «поль» это слово перемѣнило, очевидно, равняясь по звтраку и обѣду. Тогда же произошло обратное превращеніе со словомъ взятокъ, но только процессъ превращенія протекалъ сложнѣе. Съ взяткомъ связанъ тотъ, кто взятки беретъ — взяточникъ. Слово это находится въ компаніи съ булочникъ, будочникъ, лодочникъ. Отсюда и превращеніе взятка въ взятку — вслѣдствіе равенія по буккѣ, будкѣ и лодкѣ. Здѣсь дѣйствовала аналогія по звукамъ словъ и ничего болѣе. Какъ категорія «рода», такъ и категорія «падежа» постепенно обезсмысливается. Почему, напр., когда мы вспоминаемъ о минувшей ночи, желаемъ кому-либо доброй ночи, общаемъ быть дома къ ночи, довольствуемся однимъ словомъ, а когда замѣняемъ ночь днемъ, намъ требуются, въ тѣхъ же самыхъ сочетаніяхъ, уже цѣлыхъ три слова: днѣ, дня, дню? Есть, въ каждомъ языкѣ, совершенно непонятныя странности. Иногда только путемъ своего рода эксперимента ихъ можно замѣтить, — до такой степени мы съ ними свыкаемся. Въ одномъ разсказѣ Бабеля есть: «этотъ гражданинъ — чистое золото..., но только Великая Криница слишкомъ грубо съ нимъ обратилась». Вотъ примѣръ такого эксперимента. Это — рѣчь полубразованнаго человѣка. Обратилась — логически правильно, потому что говорятъ же: слишкомъ грубо обращается. Но это неправильно, потому что въ прошедшемъ времени этотъ глаголъ въ этомъ значеніи въ общемъ языкѣ не употребляется. Почему? Неизвѣстно.

Было бы величайшимъ бѣдствіемъ, если бы люди вздумали исправлять свой національные языки теперь, когда они уже стали классическими. Нѣмцы перестали бы пони-

мать Фауста и мы — Войну и Миръ и Евгенія Онѣгина.

Но можно, осознавши, въ чемъ состоитъ прогрессъ всякаго языка вообще, выяснивъ, какого совершенства каждый языкъ могъ бы достигнуть, если-бы его развитіе не было заторможено классической литературой, построить идеальную по простотѣ и логичности грамматическую систему, изобрѣсти словарь, въ которомъ соотношенія между «тѣлами» словъ были бы въ строжайшемъ соответствии съ соотношеніями смысловъ, можно создать искусственный языкъ, который явился-бы самымъ цѣлесообразнымъ орудіемъ не общенія конкретныхъ личностей между собою, но обмѣна абстрактными, «чистыми», общими и ничьими, мыслями.

Оговорка, заключающаяся въ послѣднихъ словахъ, устраняетъ главный доводъ противниковъ универсальнаго языка, считающихъ самую идею его ложной, мнимой, основанной на непониманіи того, что такое, по существу своему, языкъ. Всякій, разсуждаютъ они, «идеальный», универсальный языкъ — механизмъ; историческіе же языки организмы, *individua*. Многочисленные и многовидныя нецѣлостности, несообразности, противорѣчія въ каждомъ языкѣ, въ его структурѣ и въ его словарѣ составляютъ его особую прелесть, его индивидуальную цѣнность, какъ неправильности чертъ cadaго, самаго прекраснаго, чело-вѣческаго лица. Болѣе того, — они обуславливаютъ собою особую, специфическую выразительность cadaго языка. Не-русскій не въ состояніи справиться съ русскими «видами» — «совершеннымъ», «несовершеннымъ», «многократнымъ»; но эти виды соответствуютъ особой интуиціи времени, которой иначе передать нельзя. Самые звуки словъ имѣютъ значеніе, которое можно только почувствовать, но котораго рационально объяснить нельзя; между звуками и смыслами есть тайная связь и звукоподражаніе въ выработкѣ словарей отдѣльныхъ языковъ играетъ немаловажную роль. Лютеръ перевелъ обращеніе Арх. Гавріила къ двѣмъ Маріи — *gratia plena* словомъ *Heils-Liebe Maria!* Это, разсуждаетъ онъ, звучитъ теплѣе, интимнѣе, душевнѣе, нежели *Maria, gratia plena*. Ни на какомъ другомъ языкѣ нѣтъ столь нѣжнаго, столь любвеобильнаго слова. Надо въ него вслушаться, чтобы понять это...

Споръ между сторонниками и противниками универсальнаго языка основанъ, слѣдовательно, на недоразумѣ-

ни. Вопросъ обычно ставится такъ: или универсальный, механическій языкъ, или живые, органическіе. Для социолога эта дилемма просто не существуетъ. Работа надъ механическими языками еще не вышла изъ стадій лабораторныхъ экспериментовъ и сектантскихъ упражненій и развлеченій; но для насъ показательны уроки повседневной жизни. Въ зачаточномъ состояніи универсальные языки уже давно вошли въ общій оборотъ, по крайней мѣрѣ однимъ изъ своихъ элементовъ, именно словарнымъ. Недавно, въ «Посл. Новостяхъ» была напечатана статья М. Осоргина о порчѣ русскаго языка. Статья очень остроумна, но свидѣтельствуеетъ какъ разъ о томъ недоразумѣніи, которое я имѣю въ виду. Авторъ приводитъ множество примѣровъ, показывающихъ, по его мнѣнію, какъ «философы» испортили русскій языкъ, наводнивъ его иностранными словами. Протестуя противъ подозрѣнія въ симпатіяхъ къ Шишкову, авторъ, однако, дѣлаетъ едва ли не то-же самое, что и Шишковъ, приводя тѣ русскія слова, какими можно замѣнить введенныя «философами» иностранныя. Правда, онъ не сочиняетъ новыхъ русскихъ словъ, какъ сочинялъ Шишковъ (надо сказать, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ — мы знаемъ Шишкова болѣе по пародіямъ на него, нежели по его собственнымъ писаніямъ), но, совсѣмъ какъ Шишковъ, онъ, для того чтобы выгнать иностранное слово, не стѣсняется навязать его русскому замѣстителю несвойственное ему значеніе: можно, на примѣръ, думаетъ авторъ замѣнить эгоизмъ словомъ *самость*. Отлично — но тогда на автора падаетъ обязанность придумать, вмѣсто слова *самость*, другое для обозначенія свойства предмета быть самимъ собою (*Selbstheit*). Авторъ, зная стариннаго русскаго языка, вѣроятно вспомнилъ, что словомъ *самость* въ XVIII вѣкѣ переводили *égoïsme*. Но онъ упустилъ изъ виду, что въ послѣдствіи *самость* исчезло изъ употребленія и было столь прочно забыто, что въ наши дни снова всплыло въ философскомъ языкѣ уже въ совсѣмъ другомъ значеніи. Сплинъ авторъ смѣло переводитъ словомъ *грусть*. Пушкинъ, знавшій родной языкъ ужъ во всякомъ случаѣ не хуже любого изъ насъ, не былъ столь рѣшителенъ. Описывая настроеніе Онѣгина, онъ говоритъ:

Недугъ, котораго причину
Давно-бы отыскать пора,

Подобный английскому сплину,
Короче — русская хандра
Имъ овладѣла понемногу...

Пушкинъ всегда точенъ, и каждое слово у него взвѣшено. И вотъ показательно, что и х а н д р а его не вполне удовлетворяетъ. Это во всякомъ случаѣ русскій «чедугъ», не тождественный, а только «подобный» английскому сплину. Къ Онѣгину это слово примѣнимо (и Пушкинъ повторяетъ его въ 24-ой стр. 8-ой главы), потому что и самъ онъ не англичанинъ, а только москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ.

Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, просматривая списокъ осужденныхъ авторомъ словъ, легко замѣтить, что свое негодование авторъ долженъ былъ бы обратить не только противъ русскихъ «философовъ», но также противъ нѣмецкихъ, французскихъ, английскихъ, итальянскихъ, и т. д., ибо всѣ эти слова оказываются латинскими и греческими, или-же тѣми; по своему происхожденію, гибридными, незаконными, греко-латинскими порожденіями схоластической науки, какими еще въ средніе вѣка былъ наводненъ научный языкъ рѣшительно всѣхъ европейскихъ народовъ, благодаря чему ученымъ такъ легко читать научныя книги на любомъ европейскомъ языкѣ. Не дай Богъ, если-бы призыву Осоргина вняли русскіе, французы, нѣмцы и т. д.! Нѣкоторые народы пытались идти по этому пути. Обще-европейское слово т е а т р ь три славянскихъ народа рѣшили перевести на свои языки: вышло, что сербъ не понимаетъ, когда хорватъ говоритъ к а з а л и ш т е, хорватъ не знаетъ о чемъ рѣчь, слыша сербское п ѳ з о р и ш т е (вообще же, сербы и хорваты говорятъ на одномъ и томъ-же языкѣ!), и оба не понимаютъ чешскаго д и в а д л о. «Порча» научнаго языка — величайшее благодѣяніе: она обезпечиваетъ единство науки, устраняетъ опасность взаимнаго непониманія, она является залогомъ прогресса науки, какъ надъ-національной, внѣ-національной, сферы интеллектуальнаго общенія и дѣланія.

Есть другія, болѣе скромныя, сферы, гдѣ тоже находятъ себѣ примѣненіе рудиментарныя «общіе» языки. Преобладающій языкъ индустри и торговли англійскій, спорта тоже; коммерческій корреспондентъ, или членъ спортивнаго клуба пользуется англійскимъ языкомъ, хотя, можетъ быть, онъ не въ состояніи читать Дикенса. Языкъ

банковскій полонъ итальянскихъ словъ, морской голландскихъ и французскихъ. Языкъ музыкантовъ — итальянско-нѣмецкій, живописцевъ — итальянско-французскій и т. д.

На самомъ дѣлѣ, только условно можно называть эти словари «общихъ» языковъ именами латинскій, греческій, англійскій и т. д. Если бы Цицеронъ и Аристотель явились изъ царства мертвыхъ на какой-нибудь международный конгрессъ гинекологовъ, они бы услышали съ удовольствіемъ знакомыя слова*), но поняли-бы читаемые доклады совершенно превратно. Итальянцу, обучающемуся музыкѣ, такъ же надобно пояснять, что *adagio* означаетъ медленный темпъ, какъ и русскому или нѣмцу: *adagio* (*ad'agio*, ср. франц. à l'aise) означало, когда еще употреблялось вообще, свободно. Словари «общихъ» языковъ давно уже стали чисто-условными, ихъ слова оторвались отъ родного лона. Забавно наблюдение англійскаго романиста Huxley: общераспространенныя въ Европѣ «англійскія» слова — какъ разъ тѣ, которыя въ Англии вышли изъ употребленія — напр. *high-life*, которое особенно возлюбили греки, произносящіе его хигъ-лифе.

Существуютъ не только международныя слова, но даже международныя грамматическія частицы словъ, приставки и суффиксы, — про, анти, изм. Не замѣнить-ли антисемита противосемитомъ — еще лучше, еще самобытнѣе — противожидомъ, а антисемитизмъ — противожидовствомъ или противожидіемъ? Мы смѣемся надъ ленинизмомъ и троцкизмомъ, однако-же приедемъ марксизмъ. Нелѣпы уклонизмъ и наплевизмъ, но не болѣе, чѣмъ ужъ «чисто-русскія» уравниловка и обезличка. Всѣ эти слова нелѣпы, ибо ненужны, ибо вмѣсто того, чтобы способствовать экономіи умственной энергіи, облегчать пониманіе, затрудняютъ его. Слова эти — плодъ слабоумія, запутывающаго самую простыя вещи. Но это — еще не доводъ въ пользу изгнанія изм'овъ изъ русскаго или всякаго другого языка.

Въ области языка происходитъ приблизительно то же, что и въ области политики и общественности. Все напряженнѣе ведется борьба между капитализмомъ и социализ-

---

*) Впрочемъ, имъ пришлось бы привыкать къ новому произношенію.

момъ, они противостоятъ другъ другу, какъ двѣ другъ друга исключаютія системы житейскаго уклада и правового строя — и въ то же время, исподволь и по кусочкамъ социализмъ проникаетъ въ капиталистическое общество, подобно тому какъ элементы универсальнаго языка проникаютъ въ національные языки. Требованія жизни берутъ верхъ надъ отдѣльными убѣжденіями, мифіями и вкусами. Есть вещи, которыми пользуются всѣ и къ которымъ всѣ относятся совершенно одинаково. Вполнѣ естественно, что онѣ и называются общими именами. Можно понять, когда чехи, украинцы, поляки, хорваты сохраняютъ старыя названія мѣсяцевъ — ибо эти названія сохранились въ народѣ, отражаютъ поэтическія воззрѣнія простолюдина на природу, — хотя всюду на свѣтѣ приняты латинскія названія мѣсяцевъ. Но уже совершенно непонятно, для чего хорваты переводятъ директоръ черезъ равнатель, университетъ черезъ свеучилиште и библиотекка черезъ книжница. Для того-ли, чтобы доказать, что ихъ языкъ настолько богатъ, что на немъ можно выразить все что угодно?

Мало есть на свѣтѣ понятій столь сбивчивыхъ, какъ понятіе «богатства» языка. Надо различать — наличное богатство языка и потенциальное, чего обыкновенно не дѣлаютъ. Языкъ, какъ наличный словарь, словарь всѣхъ, когда-либо и гдѣ-либо услышанныхъ у даннаго народа словъ, тѣмъ богаче, чѣмъ богаче, чѣмъ содержательнѣе, чѣмъ разнообразнѣе народная жизнь. Потенциальное же богатство языка просто неограничено. По аналогіи съ каждымъ существующимъ словомъ можно создавать безконечное количество новыхъ словъ — лишь бы была въ нихъ нужда. Достаточно знать одно слово на ніе, или ость, или тель, чтобы придумать десятки и сотни другихъ такихъ-же, какъ и поступаютъ дѣти; такъ что докзывать богатство того или другого языка въ этомъ отношеніи — нѣтъ никакой необходимости. Въ потенціи всѣ языки совершенно равноправны и равноцѣнны. М. Осоргинъ, вмѣстѣ съ подавляющимъ большинствомъ ревнителей чистоты языка, повидимому путаетъ эти два смысла «богатства». Съ одной стороны онъ, желая доказать, что русскій языкъ богаче всѣхъ на свѣтѣ, приводитъ примѣры обилія синонимовъ, съ другой, опираясь на это, выставляетъ требованіе: создавать новыя слова пользуясь непременно «русскими» корнями. Это филологическая

гитлеровщина, филологический расизмъ, въ своей сферѣ не менѣе рискованный, чѣмъ политическій. Какъ-бы обогащеніе языка по этому способу не обернулось его обдѣнѣніемъ? Намъ пришлось-бы отказаться отъ удручательнаго, потому что у него нѣмецкій «корень» (druck-), а нѣмцамъ отъ ganz, потому что нѣкогда они его взяли у славянъ (к о н е ц ъ). Дѣло не въ происхожденіи корней или суффиксовъ (и брюнетъ можетъ быть хорошимъ нѣмцемъ), а въ томъ, къ какому словесному гнѣзду придется вновь создаваемое слово, съ какими словами, съ какими представленіями оно свяжется по ассоціаціи. Съ этой точки зрѣнія совершенно невѣрно, что языкъ, сколь-бы онъ ни былъ богатъ, способенъ «на все». Слава Богу, это не такъ: индивидуальное ограничено, и въ этомъ его цѣнность. Осоргину хочется, чтобы аэропланъ былъ замѣненъ самолетомъ. Прекрасное, истинно-русское слово! Бѣда только, что черезчуръ русское, слишкомъ отдаетъ русскимъ фольклоромъ, сказками Афанасьева и картинками Билибина. Самолетъ — греза дѣтя, Ивана-дурака, котрый ни за что не съѣлъ бы за рудь аэроплана.

Насыщенностью словъ специфическими побочными представленіями опредѣляется индивидуальность каждаго языка, то его собственное богатство, которое коренится въ его ограниченности. Вотъ это-то богатство языковъ дѣлаетъ ихъ въ иныхъ случаяхъ непригодными для общенія. Въ иныхъ случаяхъ просто выгоднѣе пользоваться болѣе бѣднымъ языкомъ.

Есть сферы общенія, гдѣ рационализація проникаетъ все глубже и глубже, есть сферы, уже начисто рационализованныя, такія, гдѣ къ личностямъ, находящимся въ нихъ, предъявляются только абстрактныя требованія умственной и нравственной вмѣняемости, гдѣ субъектомъ общенія является «средній человѣкъ вообще», человѣческая особь, а не личность, единица, замѣстимая любую другою единицею. Въ этихъ сферахъ и нуженъ максимально-рационализованный, общій и ничей, абсолютно-безличный, лишенный обертоновъ, отзывающихся въ человѣческой душѣ, быть можетъ даже и вовсе беззвучный, сведенный къ условнымъ знакамъ, которые каждый воленъ выговаривать по своему, сдѣланный, «механической» языкъ. Надо полагать, что рано или поздно языкъ этотъ будетъ изготовленъ и пущенъ въ оборотъ. Онъ какъ нельзя болѣе пригодится въ сферѣ хозяйства, въ сферѣ техники, въ сферѣ

точной науки, — во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ дѣйствуетъ не homo sapiens, а homo faber, органомъ познанія котораго, какъ это доказано Бергсономъ, является чистый интеллектъ. Усвоеніе такого языка придется на время, когда соотвѣтствующія сферы общенія, въ силу необходимости, окончательно обособятся отъ тѣхъ, съ которыми онѣ донинѣ связаны, связаны не интересами — ибо эта связанность идетъ въ разрѣзъ съ послѣдними, — но традиціей, привычкой, автоматизмомъ жизни. Я возвращаюсь къ тому, о чемъ я уже писалъ здѣсь *). Я ничего не предсказываю и ничего не проповѣдую; набрасывая утопію, т. е. мифъ о будущемъ, я только продѣлываю нѣкоторый умственный экспериментъ, имѣющій цѣлью нагляднѣе представить одну изъ господствующихъ тенденцій нашего времени — тенденцію къ обособленію сферъ чистаго интеллектуализма отъ тѣхъ, гдѣ субъектомъ общенія является цѣлостный человѣкъ, существо ирраціонально, чувствующее, любящее и ненавидящее, руководящееся своей единственной, неповторяемой интуиціей.

Отношеніе универсальнаго «искусственнаго» языка ко всѣмъ остальнымъ существенно иное, нежели отношенія прежнихъ міровыхъ «классическихъ» языковъ къ народнымъ. Латинскій языкъ для западнаго христіанства, церковно-славянскій для восточнаго были языками по преимуществу, языками, въ которыхъ была отражена и воплощена вся культура христіанскаго міра, живыми хранилищами всего духовнаго опыта человѣчества. Каждый изъ этихъ языковъ былъ прежде всего языкомъ молитвы, въ которой полнѣе всего, интимнѣе всего раскрывается человѣческая душа. «Простонародный» языкъ служилъ человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ проявлялъ себя лишь частично, — какъ членъ семьи, какъ слуга, какъ работникъ. Но поскольку всѣ сферы общенія охватывались сферой религіи, поскольку вся культура средневѣковья была религіозной культурой, поскольку кому-бы и чему-бы человѣкъ ни служилъ, онъ, въ конечномъ счетѣ, служилъ Богу, всякій «простонародный» языкъ тяготѣлъ къ латинскому (или церковно-славянскому), съ него брали примѣръ, по нему равнялся, стремился къ нему, какъ къ своему предѣлу. Латинскій языкъ былъ совершеннымъ, совершеннымъ языкомъ. «Простонародные» языки были

*) См. мою статью U.S. E.? въ «Соврем. Запискахъ», кн. 46.

зачаточными языками. Латинский языкъ былъ языкомъ въ бôльшей степени, чѣмъ они — и потому онъ царилъ надъ ними, какъ Церковь царила надъ Мíромъ.

Въ противоположность латинскому языку въ его отношеніи къ «vulgaria», «простонароднымъ» языкомъ, искусственный универсальный языкъ, въ его отношеніи къ исторически сложившимся національнымъ языкамъ, будучи наиболѣе прогрессивнымъ, все-же не является «классическимъ», образцовымъ языкомъ. Латинский языкъ былъ «болѣе языкъ», чѣмъ старо-французскій, старо-нѣмецкій, потому что въ немъ продолжала жить уже сложившаяся культура, тогда какъ *vulgaria* отражали собою только рудименты культуры. Искусственный-же языкъ не есть ни «болѣе» ни даже «менѣе» языкъ, нежели историческіе языки: собственно говоря, это вовсе не языкъ. Будучи насквозь рационализованъ, онъ выпадаетъ изъ круга языковъ, подобно тому какъ сферы общенія, гдѣ онъ служитъ орудіемъ, выпадаютъ изъ культуры. Если культура есть общая сфера взаимодействія конкретныхъ личностей, цѣлостныхъ индивидуальностей, то сфера, гдѣ взаимодействуютъ не личности, а особи, равныя другъ другу единицы, сфера «чистой» цивилизациі, лежитъ въ какомъ-то совершенно иномъ планѣ. Въ предѣлѣ, между этими сферами, между Культурой и Цивилизаціей, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Въ сферѣ Цивилизациі живой человѣкъ можетъ быть, на худой конецъ, замѣненъ «роботомъ». Если бы «роботы» говорили, они говорили бы на эсперанто, волапюкъ, идо. Въ иныхъ случаяхъ и мы говоримъ другъ съ другомъ такъ, какъ если-бы мы были «роботами» и превращаемъ нашъ языкъ въ эсперанто. «Въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ —, имѣю честь увѣдомить, что...» и т. д. Въ подобномъ письмѣ всѣ слова внѣшне тѣ же самыя, какія мы могли бы употребить въ самыя значительныя моменты нашей жизни. На самомъ дѣлѣ это — другія слова. Возьмемъ хотя бы слово честь. Развѣ это слово здѣсь имѣетъ хоть что-либо общее съ тѣмъ, одинаково звучащимъ, какимъ обозначается цѣнность, реди которой честный человѣкъ готовъ пожертвовать жизнью? Въ дѣловомъ письмѣ всѣ слова взаимно обезличиваются, обездушиваются, опустошаются, перестаютъ быть словами въ подлинномъ смыслѣ, т. е. свидѣтельствами вѣковой работы духа, насыщенными множествомъ сочетанныхъ другъ съ другомъ смысловъ символами. Совре-

менный дѣловой языкъ является образцомъ и подобіемъ универсальнаго искусственнаго языка, съ тою разницею, что послѣдній и внѣшне нацѣло отъединенъ отъ историческихкихъ языковъ.

Нѣкоторые лингвисты, противники универсальнаго языка, считаютъ, что идея эта, помимо всего прочаго, просто неосуществима. Представимъ себѣ, что этотъ языкъ распространится по всему свѣту. Несомнѣнно, что у каждаго народа онъ заразится специфическими фонетическими особенностями соответствующаго національнаго языка. Никакъ нельзя было бы придумать такой общій языкъ, который, въ этомъ отношеніи, удовлетворялъ бы всѣхъ, былъ бы одинаково удобенъ по своему произношенію для всѣхъ народовъ. У китайцевъ нѣтъ р, у японцевъ — ч, у французовъ ж, у нѣмцевъ ж и т. д., и т. д. Сколько звуковъ пришлось-бы устранить! Строго говоря, послѣдовательно устраняя всѣ звуки, не являющіеся общими для всѣхъ народовъ, мы очутились бы съ пустыми руками. Ибо нѣтъ одинаково произносимыхъ всѣми народами звуковъ. Если-же фабриковать общій языкъ, пользуясь звуками, произносимыми приблизительно сходно, то все-же дѣло кончится тѣмъ, что у каждаго народа «универсальный» языкъ, получивъ соответствующую фонетическую окраску, будетъ мѣняться въ звуковомъ отношеніи, подчиняясь фонетической эволюціи данной языковой среды (фонетика, послѣ словаря, — самый подвижный элементъ языка); другими словами, этотъ «общій» языкъ рано или поздно разобьется на множество языковъ — какъ это случилось со средневѣковымъ латинскимъ. Этотъ доводъ врядъ-ли можно признать рѣшающимъ. Вѣроятно, что римляне произносили Кикеро. Нѣмцы стали произносить Цицеро, французы Сисеро, итальянцы Чичеро. Бесѣдуя по латыни, средневѣковые ученые разныхъ странъ съ трудомъ понимали другъ друга. Но на письмѣ Кикеро-Цицеро-Сисеро-Чичеро было для всѣхъ однимъ и тѣмъ-же словомъ Cicero. Говорящіе на общемъ нѣмецкомъ языкѣ нѣмцы изъ различныхъ угловъ Германіи и сейчасъ еще съ затрудненіемъ понимаютъ другъ друга. Раздробившійся на нѣсколько фонетическимъ единицъ общій языкъ отъ этого не перестанетъ быть общимъ. Разъ навсегда сфабрикованный, онъ будетъ навѣки тождественнымъ самому себѣ. Онъ будетъ отъ времени до времени ремонтироваться, подновляться,

но не будет эволюционировать, не будет жить. На этот счет лингвисты могут быть спокойны: мертворожденный, онъ останется мертвымъ навсегда.

Выше я назвалъ современные національные языки тоже «мертвыми». Въ такомъ случаѣ, каково-же отличие этихъ языковъ отъ искусственнаго всеобщаго? Въ чемъ оно состоитъ? Въ томъ, что эти языки умерли (я уже говорилъ, въ какомъ отношеніи), а всеобщій языкъ умереть не можетъ, ибо онъ и не жилъ, какъ не можетъ умереть локомотивъ, фортепіано, домъ и т. д. Продуктъ абстрактнаго разума, формально-логическаго расчета, абсолютно лишенный индивидуальности, хотя строжайше согласованный, подобно искусно сработанной машинѣ, во всѣхъ своихъ частяхъ приспособленный къ тому, чтобы функционировать, но не осуществляться, онъ можетъ быть заученъ, но не можетъ быть усвоенъ; бездушный, онъ не можетъ войти ни въ чью душу, онъ не будитъ въ ней никакихъ голосовъ; «чистое» средство, лишенное, подобно деньгамъ, собственной внутренней цѣнности, онъ не связуетъ я и ты въ мы; напротивъ, онъ разлагаетъ мы на взаимодействующіе извнѣ даже не я и ты, а безразличныя, безыменныя, безличныя единицы. Смерть органически сложившихся языковъ есть ихъ окончательное завершеніе. Зафиксированныя памятниками мысли и чувства великихъ геніевъ, наложившихъ навѣки свой отпечатокъ на національную душу, они «мертвы», какъ эти памятники, «мертвы» въ томъ-же смыслѣ слова. Къ «Федръ» Расина и къ «Мыслямъ» Паскаля нельзя прибавить ни одного слова и ни одного слова нельзя отнять отъ нихъ. Они росли, развивались, видоизмѣнялись въ душѣ ихъ творцовъ и въ этомъ смыслѣ жили. Они были написаны, закончены — и въ этомъ смыслѣ умерли. Ихъ смерть есть вѣчная жизнь, безсмертіе. То же самое и съ языками. Каждый національный языкъ есть личность, своеобразная, безконечно-богатая, и могучая настолько, что Иесперсень говоритъ даже объ опасности усвоенія чужихъ языковъ: овладѣвшій чужимъ языкомъ рискуетъ утратить свою собственную національную душу, поддавшись воздействию чужой.

Теперь можемъ подойти ближе къ оцѣнкѣ формулы Поля Валери — «конченный міръ». Проблема языка можетъ быть обобщена, какъ проблема прогресса. Вѣра въ прогрессъ, «вѣчный прогрессъ», питалась и обычно питается успѣхами науки, точнаго знанія. Но какъ разъ въ

этой области прогрессъ не можетъ быть безконеченъ. То, что противостоитъ сознанию какъ «мертвая матерія» — ограничено и кончено. Ея анализъ можетъ и долженъ когда-либо придти къ концу. И возможности овладѣнія ею, использованія ея, не могутъ быть безпредѣльны. Придетъ время, когда наши средства передвиженія, освѣщенія, отопленія и проч. достигнуть послѣдней, наивысшей степени совершенства. И если мы задумаемся надъ фактомъ, что, хорошо или плохо, но все безъ исключенія изъ того, о чемъ испоконъ вѣковъ человѣчество, въ своей борьбѣ съ «мертвою матеріею», только осмѣливалось мечтать, сразу осуществилось въ наши дни, что какое-нибудь одно столѣтіе выполнило задачи, завѣщанныя рядомъ тысячелѣтій, что изъ непобѣжденныхъ доселѣ силъ осталась, въ сущности, одна лишь тѣлесная смерть (и то Бергсонъ выразилъ надежду, что и съ нею «*homo faber*» въ концѣ концовъ справится), — это можетъ исполнить насъ ужасомъ: начинаетъ казаться, что человѣчество въ самомъ дѣлѣ вступило въ послѣдній эонъ, завершило свой жизненный путь и что послѣ того какъ оно и впрямь побѣдитъ смерть, ему останется уже только одно — умереть коллективно.

Какъ есть два вида смерти, такъ есть и два вида прогресса. Есть области, въ которыхъ дѣйствуетъ *homo sapiens* во всей полнотѣ смысла этого слова, а не *homo faber*, области культуры. Культуры не умираютъ, что бы съ ними не случилось въ исторической эмпиріи. Культура Италіи живетъ вѣчно въ Данте, Петраркѣ, Бокаччо, Аріосто и Тассо, хотя итальянская литература уже давно изъ міровой стала провинціальною. Есть два вида цѣнностей: одними мы пользуемся, къ другимъ мы приобщаемся духомъ и творчески усваиваемъ ихъ себѣ. Именно — цѣнностей, а не вещей: ибо «одна и та же» вещь можетъ быть носителемъ обоихъ видовъ цѣнности. «Печной горшокъ» можетъ оказаться аттической вазой. Прогрессъ въ этой области вѣченъ и безконеченъ, поскольку всякая новая цѣнность здѣсь означаетъ новый духовный опытъ и возможности все новыхъ и новыхъ такихъ же опытовъ для каждой человѣческой души, способной эту цѣнность воспринять, на нее отозваться; причѣмъ этотъ новый духовный опытъ никоимъ образомъ не отмѣняетъ всѣхъ предыдущихъ. Появленіе всякой новой цѣнности перваго рода отмѣняетъ предыдущія цѣнности той-же категоріи. Есть еще люди, предпочитающіе фіакръ автомобилю: но это доказы-

ваець только то, что для нихъ фіакръ не просто средство передвиженія, а подлинная культурная цѣнность, часть ихъ собственнаго Я, воспоминаніе о молодости, символъ стаишаго дорогимъ и близкимъ жизненнаго стиля. Каждый способен думать и чувствовать челоѣкъ, прочитавши Достоевскаго, становится другимъ челоѣкомъ, духовно перерождается, дѣлается духовно богаче; но это не сопровождается никакимъ вытѣсненіемъ въ его сознани Донъ-Кихота или Божественной Комедіи. Братья Карамзовы не «отмѣнили» этихъ произведеній. Напротивъ: появленіе всякой новой культурной цѣнности обогащаетъ, углубляетъ смыслъ всѣхъ предыдущихъ, и въ этомъ состоитъ прогрессъ.

Прогрессъ перваго рода общеобязателенъ, принудителенъ, закономѣренъ, прямолинеенъ. Хочешь, не хочешь, совершенствуйся вмѣстѣ со всѣми. Къ тому же никакихъ особыхъ усилій отъ тебя не требуется. Чтобы запустить грамфонъ, не надо быть Эдисономъ. Прогрессъ втораго рода — творческаго характера, онъ индивидуаленъ и въ какомъ-то отношеніи случаенъ, хотя каждый продуктъ творчества переживается нами какъ безусловная необходимость, такъ что мы просто не можемъ себѣ вообразить міра безъ Евангелія, безъ Сикстинской Капеллы, безъ Акрополя, безъ Критики чистаго Разума.

Можно было бы показать, какъ, въ теченіе вѣковъ, различіе двухъ основныхъ категорій цѣнности, двухъ видовъ «прогресса», двухъ видовъ «смерти», какъ различіе понятій пользованія и творческаго усвоенія, опредѣляло собою все историческое развитіе челоѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ отражалось на многочисленныхъ теоріяхъ «прогресса», «эволюціи», на построеніяхъ философіи исторіи и на опытахъ выработки общественнаго идеала. Исторія культуры разсматривалась и продолжаетъ разсматриваться, какъ единый, однородный процессъ, имѣющій свою ритмику, опредѣляемую смѣнами періодовъ творчества и распада, Культуры и Цивилизаціи, періодовъ «органическихъ» и «критическихъ». Жозефъ де Мэстръ и Сень-Симонъ, Ницше и Шпенглеръ, Леонтьевъ и Бердяевъ, каждый по своему, развивали и углубляли эту концепцію. Сейчасъ міръ культуры разстилается передъ нами какъ «конченый», завершенный міръ, «un monde fini». И намъ дѣлается ясно то, чего раньше, въ періодъ становленія, люди еще не могли видѣть: что развитіе протекаетъ не по

одной, а по двумъ линіямъ, въ двухъ различныхъ плоскостяхъ; что каждое историческое явленіе должно быть поэтому истолковываемо и оцѣниваемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; что есть два права — право Цивилизаціи и право Культуры, и что поэтому проблема и н с т а в р а ц і и, выдвинутая романтиками и ставшая столбъ жизненно-важною въ наше время предѣльнаго ожесточенія національныхъ и социальныхъ антагонизмовъ, время наивысшаго напряженія духовной тревоги и мучительнаго обостренія духовнаго голода, можетъ найти свое разрѣшеніе только въ томъ случаѣ, если будемъ исходить отъ признанія факта обособленія двухъ основныхъ жизненныхъ сферъ, сферъ примѣненія двухъ видовъ языка — искусственнаго и органическаго, сдѣланнаго и ставшаго, языка особей и языка личностей.

П. Бицилли.